

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.Ю. Барсукова

ЭССЕ
о неформальной
экономике, 16
или 16
ОТТЕНКОВ
СЕРОГО

Второе издание

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2017

УДК 316.334.2
ББК 60.56
Б26

Работу над книгой поддержал Российский гуманитарный научный фонд
(проект № 12-43-93026), софинансировал Научный фонд НИУ ВШЭ.

Рецензент:

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии
факультета социальных наук НИУ ВШЭ
З.В. Котельникова

Барсукова, С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого [Текст] / С. Ю. Барсукова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 223, [1] с. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1549-5 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-1617-1 (e-book).

В представленных в книге 16 эссе освещаются различные аспекты неформальной экономики как деятельности в обход государственных правил. Эссе написаны в жанре рецензий на книги отечественных и зарубежных авторов, среди которых есть и сугубо академические, и публицистические. В книге обсуждаются как общемировые причины развития неформальной экономики, так и ее российская специфика, включая советский опыт, постсоветский рэкет, современное состояние судебной системы, характер отношений бизнеса и власти, неформальный мир труда россиян.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся проблемами экономики. Полезна для студентов, аспирантов, преподавателей и исследователей в области социальных и экономических наук.

УДК 316.334.2
ББК 60.56

ISBN 978-5-7598-1549-5 (в обл.)
ISBN 978-5-7598-1617-1 (e-book)

© Барсукова С.Ю., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015; 2017

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Радаев. В поисках утраченного жанра..... 6

Замысел книги..... 9

ЧАСТЬ 1. НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ В ЗЕРКАЛЕ МИРОВОГО ОПЫТА

Куда ведут дороги, мощенные благими намерениями государства?

(*Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005)..... 13

Развитая неформальность в развивающихся странах

(*Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies / ed. by V. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford: Oxford University Press, 2006*) 22

Про коррупцию, или Как не стать смешным идалго, принимая ветряные мельницы за великанов

(*Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. СПб.: Алетейя, 2007*) 37

Приметы «нового капитализма», или Куда дрейфует экономика

(*Сеннет Р.* Коррозия характера / пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2004)..... 52

ЧАСТЬ 2. СПЕЦИФИКА НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка

(*Бессонова О.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН, 2006) 65

Ресурсная экономика и сословная рента

(Кордонский С. Сословная структура постсоветской России.
М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008) 81

Блатной Советский Союз, или Экономика взаимных услуг

(Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking
and Informal Exchange. Cambridge:
Cambridge University Press, 1998) 97

**«Новый анекдот слышали?», или Как шутили в СССР
по поводу неформальной экономики**

(Мельниченко М. Советский анекдот (указатель сюжетов).
М.: Новое литературное обозрение, 2014) 111

**ЧАСТЬ 3. НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ДИАЛОГА БИЗНЕСА
И ВЛАСТИ В РОССИИ**

Российский крупный бизнес: неформально по-крупному

(Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес:
первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг.
М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009) 123

О правилах в боях без правил

(Панеях Э. Правила игры для русского предпринимателя /
предисл. Е. Ясина. М.: Колибри, 2008) 134

**Стакан похмельного кефира, или Мемуары о неформальных
каналах сращивания бизнеса и власти**

(Кох А., Свиаренко И. Ящик водки: в 4 т. М.: Эксмо, 2005) 150

**ЧАСТЬ 4. МЕХАНИЗМ ПРИНУЖДЕНИЯ
К ИСПОЛНЕНИЮ ПРАВИЛ: БАНДИТЫ VS СУДЫ**

Государство и бандиты: драма с прологом и эпилогом

(Волков В.В. Силовое предпринимательство:
экономико-социологический анализ.
М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005) 157

Не бойтесь судей. Они сами боятся

(Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А.
Трансформация российской судебной власти.
Опыт комплексного анализа. СПб.: Норма, 2010) 176

Не судитесь, да не судимы будете... (Астахов П. Квартира. М.: Эксмо, 2009)	187
ЧАСТЬ 5. НЕФОРМАЛЬНЫЙ МИР ТРУДА	
Эмпирическая энциклопедия о жизни неформала (В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014).....	195
Зачем уходят из дома кормильцы (Плюснин Ю., Заусаева Я., Жидквич Н., Позаненко А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013).....	207
Отзывы о книге.....	216

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЖАНРА

Предлагаемая вашему вниманию книга весьма необычна. И не потому, что она посвящена проблемам неформальной экономики. Конечно, значение неформальной экономики в российских условиях (и далеко не только российских) трудно переоценить. Куда ни глянешь, очень значительная часть российской экономики оказывается в «тени», не попадает в статистическую и налоговую отчетность или тщательно скрывается от контролирующих органов. Но в данном случае дело все-таки не в теме, а в том, что это *книга о книгах*. Она пытается реабилитировать и развить жанр, который в российских социальных науках, как правило, не в чести. Речь идет о жанре содержательных рецензий.

Да, было немало успешных попыток превратить рецензии в самостоятельные работы, интересные для широко мыслящего читателя и, более того, поставить их в центр читательского внимания. Прежде всего это касается гуманитарных областей (приведем яркий пример журнала «Пушкин»). Но академических журналов в социальных науках эти опыты, к сожалению, коснулись слабо. В свое время развернутые рецензии, которые не просто представляют книгу, но сами являются научными работами, пытался публиковать журнал «Вопросы экономики» (я сам написал пару таких рецензий). Но и в этом журнале рубрика то вспыхивала, то гасла — не в силу недооценки ее важности, а скорее в силу дефицита авторов, готовых подобные рецензии написать. В большинстве случаев сегодня академические журналы публикуют в своих номерах по паре кратких рецензий на вновь вышедшие книги, которые получаются слишком формальными: в первой главе автор написал то-то, а во второй отметил то-то. Критической оценки работы в таких рецензиях почти никогда не встретишь. Понятно, что кто-то попросил «сделать рецензию», автор и «сделал». Читать подобные рецензии совершенно невозможно (полагаю, никто этого и не делает).

На этом фоне поразительными выглядят некоторые примеры из издательской жизни мирового профессионального сообщества. Например, если взять последние номера «*American Journal of Sociology*», одного из ведущих мировых социологических журналов, то в каждом номере мы обнаружим от 20 до 30 рецензий на книги. Любая из них невелика по объему (по две журнальные страницы или чуть более), но при этом включает содержательный разбор книги с нередкими критическими замечаниями. Заметим, что в качестве авторов выступают не «аспиранты на подхвате», а ведущие ученые в соответствующей области. Конечно, это предельный

случай, но он характерен, ибо обозначает серьезное отношение к жанру рецензирования.

У нас подобное отношение в академических журналах встречается редко. Во-первых, жанр рецензии сильно принижен, не считается «престижным», многие не желают тратить на него свое драгоценное время. Во-вторых, многие просто не умеют писать рецензии, отсутствует соответствующий навык. В-третьих, содержательные (т.е. критические) рецензии не хотят писать также и по другим причинам — многие авторы книг болезненно реагируют на любую публичную критику, считая ее чуть ли не личным оскорблением. Словом, у нас любят, когда хвалят, и психологически не готовы к содержательной критике, что свидетельствует о некотором дефиците академической культуры. А кому охота лишний раз нарываться на скандалы?

В результате очень немногие рецензии, к сожалению, становятся самостоятельными творческими работами, читать которые не менее интересно, чем рецензируемые книги. Слишком редко, анализируя чужую работу, делая это корректно, хотя и не без критики или даже не без скрытой иронии, автор рецензии умеет высказать собственную позицию.

Тем приятнее сознавать, беря в руки данную книгу, что перед нами именно этот случай. Автор умеет и любит писать. С. Барсуковой удалось, что бывает тоже не слишком часто, выработать свой авторский стиль. И этот стиль читатель сможет оценить по достоинству. Не случайно в 2005 г. Светлана Барсукова стала лауреатом первой Премии в области аналитической журналистики имени Никиты Кириченко (кстати, за статью по неформальной экономике), которую вручают в основном видным журналистам. Этот примечательный факт показывает, что, если одновременно владеть содержанием и пером, можно обыграть лучших журналистов на их собственном поле.

Конечно, для написания хорошей рецензии недостаточно прочесть книгу, нужно владеть более широким материалом, понимать общий контекст. И С. Барсукова этим материалом, безусловно, владеет. Она много лет читает студентам Высшей школы экономики авторский курс по неформальной экономике. В 2004 г. она опубликовала книгу «Неформальная экономика», а в 2009 г. — учебник на эту тему¹. А ее статьи, посвященные неформальной экономике, вошли в число лучших статей по итогам конкурса, проводимого журналом «Социологические исследования». Так что рецензии появлялись не случайно, они были продолжением и выражением профессионального интереса.

---

¹ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004; Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: курс лекций. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.

Рецензируемые в данном издании книги очень разные. Но во всех случаях речь идет о талантливых и самобытных авторах, среди которых Джеймс Скотт и Элинор Остром, Симон Кордонский и Ольга Бессонова, Вадим Волков и Яков Паппе, Владимир Гимпельсон и Ростислав Капелюшников, ряд других известных имен.

Осталось сказать, что эта книга финансируется из средств программы развития академических журналов НИУ ВШЭ, поскольку является не только личным проектом автора, но также и проектом журнала «Экономическая социология», который несколько лет назад сделал попытку поднять жанр рецензий на надлежащую высоту. Мы хотели, чтобы у нашей аудитории возникло желание сначала прочитать рецензию, а затем прочитать и саму книгу. С. Барсукова стала ведущим автором этой рубрики, и со временем накопился хороший материал для отдельного издания. Важно и то, что за ней потянулись другие авторы, и сейчас публикация развернутых содержательных рецензий на новые интересные книги стала в журнале своего рода нормой. Развивая этот (почти) утраченный жанр и издавая данную книгу, мы хотим показать, *как* можно писать рецензии, если браться за дело с умом и талантом. И еще раз продемонстрировать важность хороших рецензий на хорошие книги для нашей с вами академической работы.

*В.В. Радаев,
февраль 2015 г.*

*Читать ночью на кухне —
особое удовольствие.
Моей семье, которая понимает
и прощает это.*

ЗАМЫСЕЛ КНИГИ

Неформальная экономика — это совокупность экономических практик, которые не регулируются законами, не фиксируются статистикой и не оформляются контрактами. Очевидно, что такой «скрываемый» объект возбуждает интерес. И много достойных книг написано про эту «другую» реальность. Но мы живем в цейтноте, читать толстые книги становится роскошью, доступной немногим. К тому же не все переведено на русский язык. Внимание читателей дрейфует в сторону статей, порой ограничиваясь их аннотациями. Между тем книги, в отличие от статей, знакомят не с результатами отдельных исследований, а с позицией, с целостным взглядом авторов. Мне хочется представить неформальную экономику в системе аналитических координат разных книг, разных авторов. Это первое.

И второе. Кроме книг, непосредственно апеллирующих к данной теме, в понимании неформальной экономики огромную помощь могут оказать книги, написанные, казалось бы, совсем «про другое». Формируя системное видение институциональной проблематики, роли государства и специфики его диалога с бизнесом, такие книги позволяют увидеть причины и механизмы неформальной экономики в новом свете. Например, книга С. Кордонского «Сословная структура постсоветской России», строго говоря, посвящена стратификации современного российского общества. Но подход автора, его определение принципов «ресурсной экономики» крайне продуктивны для понимания того, какова сущность теневой экономики СССР и современной России. Или, например, книги О. Бессоновой про раздаточную экономику претендуют на макротеорию общественной эволюции. Однако частным приложением этой теории может быть «раскодирование» теневой экономики России, ее циклического характера, обусловленного соперничеством раздатка и рынка как способов экономической координации. Еще один пример — книга Я. Паппе и Я. Галухиной о развитии крупного бизнеса в России, в которой нет ни одной главы, посвящен-

ной непосредственно неформальной экономике. Однако представленный в книге анализ становления крупного бизнеса исключительно продуктивен для понимания причин и форм неформальных практик в российском бизнесе. Правда, для этого нужна отдельная аналитическая работа, категорически не сводимая к простому реферированию текста.

Не стоит игнорировать также ненаучные тексты, они являются поводом для размышления. Скажем, о роли неформальных практик в работе правоохранительных и судебных органов многое можно понять из детектива П. Астахова «Квартира». А о роли неформальных институтов трудно говорить с теми, кто не читал «Ящик водки» А. Коха и И. Свиаренко.

Важно подчеркнуть, что речь не идет о простом реферировании книг. Скорее, это творческая интерпретация проблематики неформальной экономики через аналитическую «оптику» разных авторов. К анализу привлекались только те книги, которые оценивались мною как лучшие и оригинальные в своем направлении. Чистый субъективизм в отборе, но это единственный способ получить удовольствие от чтения, которое конвертировалось в радость размышления над прочитанным. Спасибо авторам за доставленное удовольствие. Из полюбившихся книг, как из пазлов, складывалось понимание неформальной экономики. Чем и хочется поделиться с читателем.

Надеюсь, что эту книгу будет интересно читать. Я старалась писать принципиально просто и увлекательно, но без потери содержания, балансируя на грани бережной передачи позиции авторов и собственной интерпретации их взглядов. Исходила из того, что не только людям, но и текстам вредит претензия на величие. Как говорил А. Эйнштейн, «все должно быть изложено так просто, как только возможно, но не проще».

Книга писалась много лет. Точнее, замысел книги как таковой отсутствовал. Просто сошлись три обстоятельства. Во-первых, я люблю читать. Во-вторых, у меня плохая память, поэтому выработала привычку фиксировать мысли на бумаге из боязни, что не удержу в голове. В-третьих, в силу профессиональной деформации личности я вижу все через «прорезь» неформальной экономики. В результате, как тупой и упорный золотоискатель, я промывала книжную руду в поисках знания о неформальном мире. Пришло время поделиться результатами.

Фрагменты этой книги были опубликованы в журналах «Экономическая социология», «Общественные науки и современность», «Социологические исследования», «ЭКО», «Свободная мысль», «Вопросы экономики», «Terra Economicus» и «Полития». Искренняя благодарность редакциям этих журналов за сотрудничество.

Отдельные слова признательности Вадиму Радаеву, который в течение многих лет позволял мне делать то, что я считала нужным. А именно: читать, думать, писать.

Часть 1

---

*Неформальная экономика:
причины развития в зеркале
мирового опыта*

Куда ведут дороги, мощенные благими намерениями государства?¹

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005.

Позволю себе стилистическую вольность: книга — шикарная. Без малого 600 страниц умного и интересного чтения. Автор, имея оригинальную идею, выносит ее на суд читателя не на голлом подносе формальной логики, а представляет в виде изобильного застолья, где по вкусу можно выбрать доказательства из области лесоводства, архитектурных стилей, революций, партийных баталий, аграрного производства, статистического учета, медицины и др. География иллюстраций охватывает Европу, Америку, Россию, Африку, Юго-Восточную Азию. Прибавьте дрейф во времени, и станет понятно: это более чем доказательно, это правдиво.

Основная идея книги Дж. Скотта: *власть нуждается в упрощениях практики, для чего вводит категории и законы, и неизменно подрубается на результатах своих же усилий*. Потому что нельзя быть наивной такой.

Проектная эволюция: от научного лесоводства к социальным революциям

Прежде чем экспериментировать над обществом, попробовали «упорядочить» природу. Так родилось научное лесовод-

---

¹ Статья была опубликована в журнале «Социологические исследования», 2007, № 4.

ство. Родом из Пруссии (конец XVIII в.), оно воплотило легендарное прусское представление о порядке и красоте как единообразии и стандартизации — все по ранжиру, деревья одной породы, долой подлесок, прямые просеки вместо витиеватых тропинок. Эстетический компонент был вторичен, в качестве целевой функции выступали экономические показатели продажи древесины. И действительно, доходы от продажи древесины на первых порах научного лесоводства резко возросли. Но вскоре возникла проблема — лес стал чахнуть. Сложные биоцепочки оказались нарушены, и лес вместо источника дохода стал вмещать колоссальные дотации (удобрения, борьба с вредителями, необходимость новых посадок и проч.). Лишив лес разнообразия и сложности, снизили потенциал его гибкости и устойчивости.

Но «лесной урок» не пошел впрок. И вот уже идеи прусского лесоводства переходят в архитектуру: выпрямляют улицы, строят монофункциональные кварталы, вычисляют «научные» нормы потребности человека в свете, тепле, пространстве. Потребность поболтать с соседкой по формуле не вычисляется, а следовательно, не признается. Город не для жизни, а для выполнения функций становится новой архитектурной модой. Функции населения понимаются крайне утилитарно: люди должны работать, для чего им необходимо отдыхать, спать, размножаться, быть здоровыми, а это требует соблюдения гигиенических стандартов, застывших в камне. К тому же люди должны быть управляемыми, что предполагает зонирование их деятельности, а также транспортную доступность к самым удаленным точкам города в ходе административных проверок или карательных акций.

И тот же результат: из таких городов уходит жизненная сила. Лес тихо погибал. Гибелью он выражал протест против примитивного научного вмешательства, сводимого к предельному упрощению его внутренней логики. Люди как существа более живучие, к тому же наделенные волей и способностью действовать, гибнуть не торопились. Они бойкотировали архитектурные изыски, отказываясь наслаждаться видом города с высоты птичьего полета и упорствуя в желании получать удовольствие от города, вооружившись логикой и чувствами простого пешехода. И вот уже три четверти населения Бразилиа — архитектурного воплощения идеи «лучезарного города» Ле Корбюзье² —

---

² Архитекторами Бразилиа были Кубичек, Коста и Нимейер, однако общепринятой является точка зрения, что они реализовали эстетические взгляды и архитектурные каноны Ле Корбюзье.

поселилось в незапланированных кварталах, в то время как в запланированном городе разместилось меньше половины проектируемого населения.

Покорением пространства не ограничились. Апогеем самонадеянности реформаторов стало целенаправленное изменение общества во всех его проявлениях. Социальное проектирование столь решительно кроит новый костюм мира, что не останавливается перед кромсанием фигуры, лишь бы костюмчик сидел. Власть берет на себя смелость решать, что из нынешнего следует взять в будущее, а что — похоронить за ненадобностью. Объектами планирования становятся образ жизни, технологии ведения домашнего хозяйства, гражданская мораль, хозяйственная кооперация и политическая самоорганизация. Прусское лесоводство и русская революция представлены как звенья одной цепи маниакальной инженерии. Лес уподобляется машине по приросту древесины, города становятся машинами для жизни, а партия — машиной («локомотивом истории») втягивания масс в светлое будущее, не ими придуманное и не ими желаемое. *От перестройки живой природы к упорядочиванию пространства, а затем к моделированию общества — такова в общем виде эволюция притязаний модернистов.* У этих вех есть общие основания.

Первое: *порядок, насаждаемый властью, основывается на упрощении практики через предельное сокращение значимых характеристик объекта.* Чем меньше разнообразие объектных проявлений, тем легче этим объектом манипулировать, т.е. научно управлять. «Способы управления требуют сужения поля зрения» (с. 29)³. Признавая за лесом исключительную способность прирастать древесной массой и отказывая ему в праве и возможности быть вместилищем жизни птиц, зверей, насекомых, преградой ветру и осушителем почв, добились наилучших условий производства древесины. Успехи были столь же впечатляющи, как и временны. Видя в человеке исключительно работника, создали возможность эффективно трудиться — просчитанные до метра кухни не отвлекали от простой задачи насыщения калориями, а стерильная инфраструктура удаленных от деловых зон жилых кварталов не предусматривала другого варианта, кроме физиологического восстановления сил между рабочими сменами (что верно подмечено в названии «спальные микрорайоны»). Та же логика ограни-

---

³ Здесь и далее в тексте в скобках приводятся страницы рецензируемой книги.

ченной функциональности прочитывается и в узкой специализации советских совхозов и колхозов. Целевые преобразования модернистов опираются на представления об однофункциональности объекта.

Второе: *проекты по переделке общества, равно как и природы, освещены именем науки*. Преклонение перед словом «прогресс» являлось неотъемлемой чертой интеллектуального настроения XIX и XX вв. Огромные авансы, выданные человечеством науке, безусловно, были не беспочвенны: победы над многими болезнями, развитие транспорта, снятие угрозы голода — лишь начало списка благодеяний науки. Их ощутимость породила эйфорию, снимающую вопрос о пределах научного вмешательства. Общество предстало еще одним полигоном облагораживающего проектирования. Безграничная вера во всемогущество науки не позволила вовремя остановиться. Модерн, устремленный в будущее, оказался довольно безжалостным к настоящему. Западоцентризм науки заклеил иные порядки хозяйствования, сложившиеся в развивающихся странах, как варварские и отсталые.

Третье: *для осуществления масштабных проектов преобразования общества нужна авторитарная власть*. Общество защищается от попыток его «облагородить», и единственный шанс сломить его самооборону — это лишить его институциональных форм самовыражения (свободы слова, институтов гражданского общества, парламентаризма). К тому же «проекты века» дорогостоящи, добиться согласия налогоплательщиков на их осуществление не просто. Идеальна модель власти, гарантирующая беспрекословность масс. Дистанция формального порядка от неформальной практики тем больше, чем меньше демократии. Не случайно мировые архитектурные авангардисты мечтали сотрудничать с советской властью или с амбициозными правителями развивающихся стран, готовыми вести летоисчисление «с нуля». Самые решительные реконструкции Парижа пришлось на правление Луи Бонапарта, а сторонники гигантских индустриальных агрофирм, в первую очередь американцы, завидовали возможностям советских коллег, создающих новый аграрный порядок в ходе коллективизации. Только авторитарная власть могла предоставить модернистам площадку под эксперименты, словно выровненную бульдозером. В других условиях преобразования надо было вписывать в уже существующий контекст, адаптировать к традициям, учитывать готовность населения к нововведениям. Вряд ли что-то раздражало преобразователей больше, чем эти ограничения. И отношение к ним было как к песку в двигателе устремленной в будущее машины. Показательно, что Ле Корбюзье

называл строительство в уже сложившемся архитектурном ансамбле «ортопедической архитектурой». Для полного счастья ему не хватало дружбы с советским правительством.

Понятие высокого модернизма

У Скотта важную концептуальную нагрузку несет понятие *высокого модернизма*⁴. «Высокий модернизм есть особая, подчеркнутая уверенность в перспективах применения технического и научного прогресса — обычно при посредстве государства — в каждой области человеческой деятельности» (с. 152–153). Его черты:

- космополитизм, вера в возможность и целесообразность решительного разрыва с историей и традицией⁵;
- стандартизация проектов, их опора на «муляжи физической и социальной среды»⁶;
- безоговорочная вера в науку, ее превосходство над живой практикой в определении того, как надо хозяйствовать;
- опора на государственную власть как главный ресурс реализации модернистских планов;
- особая эстетика как «квазирелигиозная вера в наглядный символ порядка», воспевание простых форм, пронизанных идеей запланированности и восприимчивости к управлению⁷;
- устремленность в будущее, огромный энтузиазм и революционная гордость преобразователей;
- отсутствие связи с конкретным политическим направлением, принципиальная возможность существовать при разных политических режимах, в разных политических версиях и риториках.

---

⁴ Скотт заимствовал термин «высокий модернизм» у Дэвида Харви, который относил высшую точку этого вида модернизма к концу Второй мировой войны.

⁵ Проект Москвы, отклоненный советскими чиновниками, Ле Корбюзье без всякой переделки представил для центра Парижа. Он лишь удалил все ссылки на Москву. В Москве «планировщик мечты» построил здание Центрального союза потребителейских кооперативов (Центросоюз).

⁶ Замечательный пример, как три американских проектировщика спланировали советский совхоз за пару недель в чикагском гостиничном номере. Этот эксперимент — совхоз «Верблюды», основанный в 1928 г. под Ростовом-на-Дону, — завершился полным провалом.

⁷ «Допущение состоит в том, что если что-то выглядит правильно, то в силу этого факта оно и работать будет хорошо» (с. 356).

По мнению Скотта, еще в XVIII в. европейские государства имели весьма скромные притязания на навязывание обществу собственных схем. Это были лишь «добывающие механизмы», извлекающие доход, провиант и призывников. Укрепление государственности подогрело амбиции, породив комплекс Демиурга, так как силовая, фискальная и административная монополии государства создавали реальные возможности реализации самых смелых планов. Социальный порядок, ранее принимаемый властью как данность, стал предметом активного проектирования в соответствии с рациональными, научными критериями. Отличие высокомодернистского государства от своего предшественника состояло в переходе *от описаний* и обзоров общества *к предписаниям* и усилиям по их реализации. Эволюция примерно следующая: контроль за обществом как данностью породил упрощающую категорию *средних* показателей, затем среднее приобретает статус *нормального*, а затем сциентизм корректирует нормальное в *нормативное* состояние. Высокий модернизм сводится к *переделке* мира; скептицизм по поводу этого впоследствии составит суть постмодерна.

Препятствия радикальным версиям высокого модернизма в западных обществах имели различную природу. Так, ограничениям безудержных попыток государства реформировать общество на основе гипертрофированной уверенности в научно-техническом прогрессе выступали:

- неприкосновенность частного мира как ценность либерального мировоззрения;
- общественное сопротивление, реальное или потенциальное;
- роль частного сектора в классической политической экономике;
- неизбежно возникающая коррупция;
- низкая экономическая эффективность многих реализованных модернистских фантазий.

По поводу последнего пункта надо сделать оговорку. Скотт считал централизующий высокий модернизм абсолютно оправданным для решения таких задач, как освоение космоса, планирование транспортной сети, контроль эпидемий и проч. Более того, даже колхозы могли быть эффективными, если ограничивались выращиванием зерновых культур. Но они оказались нерезультативны при работе с «мелкобуржуазными» фруктами, овощами, цветами и проч., требующими оперативности и гибкости реагирования, личной заинтересованности и высокой опытности. Таким образом, разговор идет не об отрицании

модернистских проектов вообще, а об их *избирательной эффективности*. Как общее правило: чем более приближен реальный объект к его аналитически упрощенному образу, тем проще и эффективнее его целенаправленное изменение. Наоборот, чем сложнее и разнообразнее реформируемый мир, тем утопичнее надежды на его эффективную переделку. XX в. показал возможности человека в покорении космоса и полную несостоятельность попыток превратить плененных крестьян в эффективных производителей. Опыт России дополнен историей «плановых деревень» Танзании и Эфиопии.

Игра важнее, чем правила игры

Книга провоцирует размышления о соотношении формальных и неформальных институтов. Поделюсь ими.

1. *Формальные правила, даже если они не выражают проектного замысла, являясь всего лишь законодательной фиксацией сложившегося порядка, порождают конфликт Закона и Практики.*

Стало социологическим трюизмом, что «привнесенные» (имплантируемые) институты, вытекающие исключительно из проектных устремлений власти, а не из сложившейся практики, — чужеродны и обществом отторгаются. Менее осмыслен факт, что кодификация выработанных практикой (т.е. «своих») институтов — процесс не менее конфликтный, требующий значительных силовых и политических инвестиций.

Дело в том, что кодифицировать можно не практику вообще, а лишь ее *конкретный* вариант. Но вариантов — бесконечное разнообразие, поскольку их эффективность исключительно *контекстуальна*. Иными словами, наработанные способы ведения хозяйства и разрешения хозяйственных коллизий хороши или плохи не сами по себе, а строго в зависимости от контекста их использования. Контекстуально обусловленное множество практик контрастирует с идеей универсальности закона. Именно поэтому *кодификация — это всегда вопрос политический*, поскольку власть реализуется в праве выбирать «наилучший вариант» из всего существующего в практике: «...те, кто формулирует эти правила, расширили свою власть и, соответственно, уменьшили власть всех прочих» (с. 474). Так возникает — если воспользоваться метафорой Скотта — «институциональная смиренная рубашка государственного образца».

Но даже если предположить, что мир вдруг стал примитивно однородным, остается еще одна трудность — изменчивость мира, его дина-

мизм. Формальный институт — это кодификация *уже* сложившегося порядка. Пластичные неформальные правила получают шанс на формализацию не ранее, чем станут распространенными и устойчивыми. Таким образом, конфликт Закона и Практики вытекает не из «дурной природы» человека, а из принципиальной невозможности кодифицировать неформальные правила, не лишив их при этом разнообразия, контекстуальности и пластичности.

2. Формальные институты могут работать исключительно при условии их неформальной коррекции, т.е. формальные нормы паразитируют на неформальной практике.

Яркий пример — советские колхозы. Село выживало за счет деятельности, не только не предусмотренной, но категорически запрещенной плановыми органами. В личных подсобных хозяйствах рачительно оприходовали все, что можно было своровать в колхозах (удобрения, корма, бензин, рабочее время и проч.). Да и сами колхозы смягчали плановые тиски за счет теневых импровизаций и бартера. Социальный и экономический крах предотвращался внеплановыми, а иногда и незаконными действиями.

Упрощенная кодификация в принципе не способна воспроизвести функционирующее сообщество. Формальный контур порождает «неформальную тень», реализующую его различные внеплановые потребности. «Чем больше претенциозности и настойчивости в официально изданном приказе, тем больший объем неформальных методов необходим, чтобы поддерживать эту фикцию» (с. 404). На этом держатся так называемые «итальянские забастовки», блокирующие деятельность предприятий за счет четкого и неукоснительного соблюдения формальных правил.

3. Исход формальных новаций всегда неопределен, а неформальное «эхо» может быть значительно по социально-экономическим последствиям, чем породивший его формальный повод.

Показательно введение во Франции времен Директории налога на «двери и окна», чтобы упростить взимание пошлины с площади жилья. В результате дома стали строить и перестраивать так, чтобы было как можно меньше окон. Это вошло в строительную практику крестьян. Налог был отменен, а влияние духоты на здоровье сельского населения продолжалось более столетия.

Государство и общество находятся в постоянном состязательном диалоге. Государство упрощает, стандартизирует, гомогенизирует практику, загоняя ее в формат категорий и законов ради того, чтобы

сделать ее доступной для контроля и управления. Общество же демонстрирует способность «изменять, ниспровергать, затормаживать и даже уничтожать навязанные сверху категории» (с. 78). На каждый тезис власти находится антитезис шумного и неупорядоченного реального мира. При этом закон может быть аннулирован, а порожденная им неформальная практика войдет в корпус обычаев, не подвластных росчерку пера правителя.

* * *

Закончить хотелось бы извинениями перед Дж. Скоттом и читателями: книга гораздо сложнее и интереснее, чем мои размышления о ней. Это подтверждает правоту автора: любое структурированное представление опирается на упрощение исходного материала. Выработка же упрощающей оптики — вопрос властных полномочий. В данном случае реализовано мое право рецензента. Единственный способ противостоять моим интерпретациям — читать книгу Скотта.

Развитая неформальность в развивающихся странах

Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies / ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford: Oxford University Press, 2006. 294 p.

Авторы книги пытаются найти алгоритм наиболее эффективной связи формальной и неформальной экономики для развивающихся стран. Дело в том, что поддержка неформального предпринимательства остается ключевой возможностью снижения бедности в этих странах. *Формальное право* — это идея того, как должно жить общество в понимании бюрократии, идея подчинения писаному правилу. *Неформальное правило* — самостоятельно сформированное и закрепленное в нормах и обычаях представление людей о способах решения жизненных коллизий. Вопрос в том, можно ли создать эффективное партнерство *самоорганизации и бюрократии*.

Книга представляет собой сборник статей, посвященных неформальной экономике развивающихся стран. Это Индия, Лима, Вьетнам, Либерия, Индонезия, Южная Африка, Мозамбик, Боливия. Укрепление формального порядка в одних странах проходило через расширение сферы государственного вмешательства (интервенция вширь), в других — через усиление роли государства в уже регулируемых сферах (интервенция вглубь).

Главный вывод книги: *нет достаточного основания считать, что формализация однозначно улучшает или ухудшает социально-экономическое положение страны*. Иными словами, государственная интервенция на неформальную экономику может быть оценена в терминах «больше» или «меньше», но это не имеет однозначного соответствия в терминах «лучше» или «хуже».

Книга состоит из двух частей, посвященных теории и эмпирике соответственно. Моя задача — представить читателям идеи, которые содержатся в книге, опираясь преимущественно на теоретическую часть.

От «неформального сектора»
к «неформальной экономике»

Тезис 1. Ранняя концепция «неформального сектора» перешла в расширенный концепт «неформальной экономики», являющейся не периферийным элементом, а базовым компонентом экономики не только развивающихся, но и развитых стран.

Об этом считают своим долгом написать практически все авторы сборника. Кратко история возникновения термина и его эволюция выглядит так.

Еще в 1940-е годы датский антрополог Юлиус Буке высказал идею о «дуальности» экономики развивающихся стран, лишь одной своей «частью» уподобленной «нормальной» рыночной экономике¹. В 1950-е годы Артур Льюис разработал двухсекторальную модель развития, выделив сектор современных капиталистических фирм с ориентацией на максимизацию прибыли и сектор крестьянских хозяйств, где крайне неоднозначны и разнообразны способы хозяйственной мотивации и принципы распределения². Попытка использовать эту схему в эконометрике связана с работами Джона Харриса и Майкла Тодаро, которые довели идею дуальной экономики до уровня двухсекторальной системы уравнений экономического равновесия³.

В 1963 г. Клиффорд Гирц, изучавший предпринимательство в Индонезии, ввел понятие «базарной экономики» (*bazaar-type economy*) в противовес «фирменной экономике» (*firm-type economy*) как экономике крупных западных корпораций, обеспечивающих работников защитой закона⁴. Национальная бюрократия видела в этих фирмах средство защиты от рыночных «провалов», создавая возможности монопольного господства на рынке этих стран. Напротив, «базарная экономика» была индивидуалистичной и конкурентной. Позднее в работах, посвя-

---

¹ *Boeke J.H.* The Structure of Netherlands Indian Economy. N.Y.: Institute of Pacific Relations, 1942.

² *Lewis A.W.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School. 1953. No. 22 (May). P. 139–191.

³ *Harris J.R., Todaro M.P.* Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // American Economic Review. 1970. Vol. 60. No. 1. P. 126–142.

⁴ *Geertz C.* Peddlers and Princes: Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns. Chicago: University of Chicago Press, 1963; *Гирц К.* Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 2. С. 54–62.

ценных Марокко, Гирц подчеркивал, что современная экономическая наука использует именно «базарную модель» при изучении принятия решений на конкурентных рынках, тогда как на практике бюрократия развивающихся стран активно защищает монополии.

Введение в научный оборот термина «неформальный сектор» связано с исследованиями К. Харта. В 1971 г. Харт делает доклад «Городская безработица в Африке». На примере Ганы он описал стратегии занятости значительных групп людей, не вовлеченных в организованный государством и корпорациями рынок труда. Основной посыл работы: бедные в Аккре не являются безработными. Это было новостью, поскольку крупные компании предоставляли очень ограниченное число рабочих мест, и соответственно экономисты оценивали безработицу в Африке на уровне 50% и выше. Харт шутит, что воображение рисовало картину Америки времен Великой депрессии с понурыми нищими на улицах (р. 24). Но улицы Аккры были полны жизни. Толпы уличных торговцев, носильщиков, таксистов были заняты делом. Неформальная экономика по сути была самоорганизацией людей, исключенных из участия в пользовании благами, гарантированными государством, и создавшими свои собственные способы выживания.

Идеи Харта восприняли настолько быстро, что отчет Международной организации труда (International Labour Organization), использующий эту концепцию в Кении, вышел раньше (в 1972 г.), чем сам Харт опубликовал свою работу по Гане (в 1973 г.)⁵.

Довольно интересный с точки зрения развития науки вопрос: почему идеи Гирца проигнорировали, а работу Харта оценили столь высоко, что он стал фактически основателем целого направления исследований? Думается, тому есть несколько причин. Начнем с того, что Харт публицистически ярок⁶. Далее, по его собственному мнению, он смог вызвать интерес экономистов, потому что представил свою этнографию на их языке. И самое, пожалуй, важное: Харт не просто описал явление, но дал ему принципиальную оценку. Он «оправдал» неформальный сектор. И сделал это в 1970-е годы, когда общепризнанным было суждение, что единственным институтом, способным мобилизо-

---

⁵ Hart K. Informal Economy Opportunities and the Urban Employment in Ghana // Journal of Modern Africa Studies. 1973. Vol. 11. No. 1. P. 61–89.

⁶ Оцените, как Харт начинает свою главу: «Большинство читателей этой книги живут внутри формальной экономики. Это мир зарплат, пенсий, медицинских страховок, кредитных договоров... и летнего отпуска у моря» (р. 21).

вать экономические ресурсы, является государство. На этом настаивали и марксисты, и кейнсианцы. Либеральные экономисты тогда были не в моде. Харт «открыл» ту реальность, в укреплении которой силами современного государства заложен ключ к политической стабильности и экономическому росту развивающихся стран. Идеи Харта были восприняты как руководство к действию, и дискуссия приняла практический характер, фокусируясь вокруг вариантов помощи неформальному сектору развивающихся стран.

В 1980-е годы происходит сдвиг в экономической доктрине. Растут сомнения в разумности государственного регулирования (политика Рональда Рейгана, Маргарет Тэтчер). Начинается абсолютизация саморегулятивного потенциала рынка. В эти годы исследования неформальной экономики распространяются на развитые страны, разрушая традицию отождествления неформальности с отсталостью. Тема неформальной экономики получает второе рождение, но уже не как сектора, а как правил игры, имеющих место в любой организационно-правовой среде, иными словами, начинает преобладать институциональный аспект анализа.

Развитию исследований неформальной экономики способствовал интерес к структуре реального управления экономикой социалистических стран. Получает признание точка зрения, что плановая экономика во многом жизнеспособна благодаря внеплановым регуляторам, умению хозяйственников амортизировать жесткость директив неформальными договоренностями между собой и с властными органами.

Когда же в 1990-е годы соцлагерь распался, на авансцену вышла тема взаимоконвертации формальных и неформальных институтов в ходе так называемого транзитного периода, а также тема коллапса государственности во многих странах третьего мира. Почти вся экономика некоторых стран становится неформальной.

Таким образом, концепция «неформальной экономики/сектора», зародившаяся в дискуссии 1970-х годов о городской бедности стран третьего мира, перешла в статус универсальной темы. Стало ясно, что формальные правила с необходимостью абстрактны, и жизнь выходит за их рамки. Этот выход возможен как за счет существования «неформальной зоны», так и в виде неформальных практик внутри формальной сферы. Практики кажутся неформальными, поскольку со стороны не видны их регулятивные основы.

«Неформальная экономика ныне рассматривается как универсальное свойство индустриальных стран и охватывает сферы от домашне-

го самообеспечения до криминализации экономики» (р. 27). Сам Харт, известный исследованием нерегистрируемой самозанятости, ныне пишет, что сосредоточился на изучении домашних организаций, дружеских сетей, добровольных ассоциаций, на коррупции и политических связях (р. 33). Независимость от государственного регулирования как главная черта неформальной экономики объединяет такие разные практики, как домашнее хозяйство, уличная торговля, криминал, политическая коррупция, сети взаимопомощи и проч.

Старый и новый взгляды на неформальную экономику (НЭ) можно представить следующим образом (р. 81):

Старый взгляд на НЭ	Новый взгляд на НЭ
Отомрет по мере индустриализации	Расширяется по мере экономического роста
Маргинальное пространство	Основное место поиска работы, а также производства товаров и услуг для низкодоходных групп. Значительная доля в ВВП
Существует отдельно от формальной экономики	Связана с формальной экономикой, в том числе через субконтракты
Резервация для избыточного труда	Неформальная занятость растет не из-за избытка рабочей силы, а в результате сокращения формального найма через разнообразные способы его деформализации
Охватывает уличных торговцев и мельчайших производителей	Широкий спектр: от временных работников в агробизнесе до надомников, привлекаемых крупными фирмами
Неформальные предприниматели не регистрируют бизнес, чтобы избежать контроля и налогообложения	Неформальные предприниматели заинтересованы в легализации при условии снижения барьеров входа в легальное пространство и роста выгод от регистрации. Большинство наемных неформальных работников стремится к легализации ради роста стабильности и гарантированности трудовых прав
Арена выживания бедных	Включает широкий спектр предприятий, в том числе стабильных и быстро растущих

Две исследовательские перспективы:
секторальная и институциональная

Тезис 2. Существуют конкурирующие исследовательские перспективы изучения формального и неформального порядка: секторальная и институциональная.

Тему неформальной экономики характеризует отсутствие ясных определений, сквозных для корпуса теоретических и эмпирических исследований. Неформальную экономику как только ни называли — параллельной, подпольной, второй, скрываемой, серой, нерегулярной, неизмеримой, нерегистрируемой, неофициальной — и еще около десятка названий. Пожалуй, нет другой области знаний, где было бы такое вольное обращение с терминами. Противопоставление «формальное — неформальное» зачастую используется как метафора. Однако множество различных трактовок неформальности сводится к двум принципиально различным подходам (р. 4).

1. **Структурный подход** рассматривает неформальную экономику как хозяйственную деятельность, расположенную *за пределами* формальной экономики. Это нерегулируемая деятельность, ускользающая от государственного контроля, учета и налогообложения. В этой традиции неформальность является ответом на административное и фискальное принуждения со стороны государства. Отсюда вытекает дискуссия об уровне допустимого регулирования. Главный проверочный тест — правильно ли осуществлена формализация — это то, приходят ли люди в «зону», регулируемую государством, или бегут из нее. Иными словами, хотят оказаться «внутри» или «вне» регулируемой государством системы.

2. **Институциональный подход** трактует неформальную экономику как *совокупность неформальных правил*, регулирующих наряду с формальными нормами хозяйственную практику. При таком подходе неформальная экономика рассматривается не как фрагмент реальности (структурный подход), а как универсальная характеристика экономической практики. Институциональный подход не предполагает выделение «зоны» неформальной экономики, но указывает на «сквозной» характер неформальных институтов, сосуществующих с формальными институтами. Неформальность рассматривается не как тип хозяйствования, локализованный по определенному принципу, а как характер экономических отношений, не ограниченный неким ареалом и принципиально возможный и необходимый в любой хозяйственной организации, при любой форме экономической деятельности.

Авторы книги явно делают акцент на изучении степени подчинения государству, степени контроля «извне», отодвигая на второй план вопрос о природе и качестве неформального регулирования «внутри» как регулятивной основы не прописанных ролей и структурных позиций. Нужно сказать, что большая часть авторов не рефлексирует

различие исследовательских перспектив, воспринимая секторальный вариант как единственно возможный.

Если «отцом» секторального подхода был К. Харт, то концепция неформальности как институциональной исследовательской перспективы связана с работами Д. Норта. Он определил институты как ограничения, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия. Институты делятся на неформальные, суть которых в самопринуждении (*self-enforcing*), — например, табу, традиции, коды поведения, конвенции, и формальные, которые создаются и поддерживаются государством, — писанные законы. Роль институтов состоит в снижении неопределенности посредством установления стабильной (и необязательно эффективной) структуры взаимодействия.

Норт отмечал, что индивид совершает выбор между множеством норм различной природы и признает более вескими те нормы, которые соответствуют данной ситуации. Индивид рационален в том смысле, что он минимизирует когнитивные издержки ментального процесса в условиях ограниченной информации. С точки зрения индивида, тот факт, что правила формальны, т.е. исходят от государства, не определяет однозначно доверия к ним в данной конкретной ситуации.

Институциональный подход не предполагает выделения сегментов, но формирует «пронизывающее» исследование экономической реальности с целью поиска ее формальных и неформальных регуляторов.

В отличие от структурного подхода, где формальная и неформальная экономики рассматриваются как отдельные эмпирические объекты, хотя и связанные функционально, но имеющие разные внутренние логики развития, институциональный подход акцентирует внимание на соотношении бюрократического управления и социальной самоорганизации, на природе и качестве неформальных институтов как регулятивной основы не прописанных ролей и структурных позиций.

Неформальный сектор как статистический артефакт

Тезис 3. Занятость в неформальном секторе не является неформальной занятостью; неформальный сектор в статистической традиции утратил содержательное единство с аналитическим смыслом, изначально присущим концепции неформального сектора.

Как отмечал Харт, основное отличие неформальных самозанятых от оплачиваемых наемных работников состоит в степени рационализации характера их деятельности и, как следствие, ее *регулярности и стабильности* (р. 25). Для Харта принципиальное значение имеет природа дохода: формальные доходы регулярны и стабильны, неформальные (легальные и нелегальные) — нет. Люди пытаются сочетать эти типы доходов.

Изначальное определение методом от противного (не/формальный сектор) стараниями последователей выродилось в набор позитивных характеристик: низкий уровень организации, случайная занятость, слабая механизация, личные отношения вместо контрактных обязательств, малый размер и проч. В 1996 г. Моррисон и Мид выявили весьма слабую связь между различными измерительными техниками, основанными на размере, регистрации, уплате налогов и выполнении трудового законодательства⁷.

Харт с явным неудовольствием пишет, что экономисты перевели термин «неформальный сектор» в количественные показатели: маломасштабный, низкопроизводительный, низкодоходный, слабомеханизированный, в то время как он «подчеркивал природу дохода, наличие или отсутствие бюрократической формы» (р. 26).

Сказалась трудность приведения аналитического концепта к статистическому. Окончательно неформальность исчезла в понятии «неформальный сектор», когда его стали определять согласно резолюции XV Международной конференции статистиков труда (1993 г.). Именно тогда *закрепилась операционализация неформального сектора, основанная на характеристике предприятий, а не отдельных рабочих мест*. Такой «неформальный сектор» в принципе не может улавливать неформальную занятость, так как фирма может быть неоднородной внутри (формальные и неформальные работники могут сотрудничать в рамках одной организации), а подсчет ведется на уровне целых предприятий. В результате возник разрыв между неформальным сектором как артефактом национальной статистики, позволяющим проводить межстрановые сравнения, и традицией содержательной (хартовской) трактовки этого термина. Ведь Харт писал о неформальной активности как возможности для бедняков заработать вне регулируемой системы официального найма.

---

⁷ Mead D., Morrisson C. The Informal Sector Elephant // World Development. 1996. Vol. 24. No. 10.

Работники и предприятия движутся по континууму формальная — неформальная занятость в зависимости от обстоятельств или занимают несколько позиций одновременно. Например, официально трудоустроенный работник имеет неформальную подработку.

В одной из глав книги особенно детализированно проводится мысль, что *неформальная занятость имеет место как внутри, так и вне неформальных предприятий* (с. 5). Другими словами, неформальная экономика должна рассматриваться не только с точки зрения характера предприятий (не регулируются государством), но и с точки зрения характера найма (не защищены трудовым правом). Это приводит к формуле: *неформальная занятость = неформальные предприниматели, преимущественно самозанятые, и семейный бизнес + бесконтрактный наем на формальных и неформальных предприятиях*. Доли этих слагаемых в развивающихся странах — 60 и 40% соответственно (р. 83).

Новые формы организации бизнеса позволяют формальным фирмам расширять зону неформального найма:

- в рамках «стоимостных цепей» (субконтрактных отношений) фирма объявляет, что с остальными звеньями цепи у нее лишь коммерческие отношения, которые не лежат в области трудовых отношений этой фирмы;
- отношения найма не безусловны (например, при взятии товара на реализацию);
- наем безусловен, но нет ясности, кто выступает в роли работодателя (например, временный наем через агентство);
- перенос субконтрактных подразделений в третий мир с устойчивой традицией неформальности.

Таким образом, статистика, фиксирующая состояние неформального сектора, ни в коей мере не может служить основой нашего знания о неформальной занятости.

Дихотомия versus континуум

Тезис 4. *Континуум формального — неформального более продуктивен как исследовательская модель, чем жесткая дихотомия.*

Пожалуй, ни одна мысль не повторяется в книге так часто, как призыв видеть в паре формального и неформального не дихотомию, а полюса континуума.

Изначально с критикой против дихотомии формального и неформального выступил Р. Бромли⁸. Его критика концепции «неформального сектора» Харта была довольно развернутой и обстоятельной. Основными критическими замечаниями были следующие: во-первых, жизнь не сводится к этим двум вариантам, являя собой континуум состояний, и, во-вторых, концепция практически не дает выхода на изучение отношения и взаимодействия неформального сектора и остальной экономики. Один из защитников идеи неформального сектора Липтон привел свои возражения на эту критику: во-первых, не следует отождествлять аналитическое разделение с реальностью, и, во-вторых, эта изоляция — не свойство концепции, а сложившаяся традиция ее применения⁹. Кроме того, критика дихотомии с научной точки зрения не отрицает удобства ее использования в системе социальной политики. «Неформальный сектор» представлялся выделенным, относительно изолированным и оттого удобным объектом приложения помощи. Иными словами, дуальность формального — неформального слишком прочно интегрирована в политическое управление, чтобы ставить вопрос о правомочности концепции.

Однако обилие эмпирического материала, приведенного в книге в виде национальных кейсов, доказывает, что нет дихотомии формального и неформального секторов, а есть их отраслевые и региональные континуумы, и подвижка состояния на них может пойти как на пользу, так и во вред бедным странам.

Важную мысль высказал в связи с этим К. Харт: формальное и неформальное существуют отдельно, когда мы используем понятие «сектор». Это подразумевает, что они имеют разные локализации. Но как только мы включаемся в дискуссию о бюрократическом и небюрократическом управлении, то выходим на неразрывность формального и неформального порядков как институционального аспекта анализа (р. 22).

В доказательство того, что формальное и неформальное диалектически связаны, Харт приводит забавный пример: правящие и деловые элиты ассоциируются с мужским костюмом, но этот стиль был выбран

---

⁸ Bromley R. Organization, Regulation and Exploitation in the So-Called “Urban Informal Sector”: The Street Traders of Cali // World Development. 1978. Vol. 6. No. 9/10. P. 1161–1171.

⁹ Lipton M. Urban Bias Revisited // Journal of Development Studies. 1984. Vol. 20. P. 139–166.

в 1920-е годы как неформальная протестная альтернатива смокингу (р. 29). Диалектика замыкает круг.

Автор другой исследовательской перспективы — институциональной — Д. Норт также оперировал дуальной конструкцией, проводя довольно четкое аналитическое разделение между формальными и неформальными институтами. Первые — результат сознательного конструирования бюрократической власти, вторые — результат спонтанного взаимодействия людей. Неразрывность тандема формального и неформального следует хотя бы из того, что сама «неформальная экономика» порождена институциональными усилиями организовать общество по формальным схемам. По Норту, формальные институты гарантируются законом, а неформальные поддерживаются «приватно», через личные взаимодействия и механизм репутации.

Однако очевидно, что в развитых странах доверие к фирме, ее репутация защищают ее интересы не меньше, чем закон. А положение человека в неформальной сети существенно зависит от формальных признаков его материальной и интеллектуальной состоятельности. Следовательно, неформальное не может быть сведено к доверию, а формальное не может сводиться к писаному и гарантированному государством. Таким образом, нет однозначной поляризации формальных и неформальных институтов. Скорее, имеет место *континуум действий, опирающихся на разные механизмы поддержки доверия и модели принуждения к исполнению.*

Влияние качества институтов на результат регулирования

***Тезис 5.** Рост государственного регулирования ведет к уменьшению экономического роста и увеличению неформальности. Но при высоком «качестве власти» этой связи может не быть.*

Этот тезис отрабатывается на данных кросскультурного сравнения (ср. 7). Выборка — 75 стран, в том числе 22 развитые и 53 развивающиеся. Используются данные конца 1990-х годов.

Авторы строят *индексы регулирования бизнеса* для стран, вошедших в выборку. Эти индексы отражают степень регулирования государством таких аспектов бизнеса, как вход на рынок, торговые барьеры, финансовый рынок, контрактное право, банкротство, рынок труда, фискальное регулирование. Затем проводится корреляционный анализ данных индексов (их усредненного значения) со средним до-

ходом стран. Выясняется, что эти индексы отрицательно влияют на величину ВВП. Исключение составляет фискальное регулирование, положительно коррелирующее с доходом стран, что неудивительно, поскольку в богатых странах выше налоги.

Далее по трем показателям — уровень политической коррупции, законности и демократии — строится индекс «качества власти» (governance index; данные берутся из International Country Risk Guide), который, как выясняется, имеет тесную связь с доходами стран.

Но главные выводы («момент истины») приходятся на регрессионный анализ. Строятся две регрессии: отдельно для ежегодного роста ВВП и размера неформальной экономики, определяемой по критерию избегания регуляции. Речь идет о скрываемой неформальной экономике, поэтому данные о ней берутся не из статистики, собираемой по методике Международной организации труда (МОТ), а из межстранового сравнительного исследования, проведенного под руководством Ф. Шнайдера. Что получается?

Все виды регулирования, кроме фискального, негативно влияют на экономический рост. Но если «качество власти» высокое, то негативного воздействия регулирования на экономический рост практически не наблюдается.

Регулирование ведет также к расширению неформальности. Иными словами, чем больше регулирования, тем больше скрываема неформальная экономика. Но с ростом индекса «качества власти» эта связь ослабевает (например, в Японии, Испании и Греции). Что касается фискального регулирования, то при высоком значении индекса «качества власти» рост фискального регулирования ведет к уменьшению неформальности. Этот парадокс авторы объясняют через создание новых общественных благ и усиление налоговых органов. Но по мере «ухудшения власти» влияние фискального регулирования на неформальную экономику ослабевает. Так, при очень низком уровне этого индекса (например, в Колумбии и Пакистане) фискальное регулирование практически не влияет на неформальную экономику: хоть поднимай налоги, хоть опускай, граница теневой экономики не сдвинется.

Таким образом, рост регулирования вызывает замедление экономического роста и расширение неформальной экономики. Однако качество регулирования, понимаемое как институциональная основа демократии, законности и политической конкуренции, имеет огромное значение. В тех странах, где по оценке Мирового банка институты

характеризуются как более «правильные», регулирование может быть довольно эффективным. В других странах те же регулирующие меры ведут к развалу экономики — ее тенефикации и замедлению экономического роста¹⁰.

Ситуационная привлекательность формальных правил

Тезис 6. Государственные правила (формальные институты) могут вызывать меньшее доверие в некоторых развивающихся странах (читай — при слабом государстве), чем неформальные институты. Предпочтительность формальных правил — результат сложной констелляции экономических, политических, культурных и идеологических факторов.

Мне казалось, что доказывать это — все равно что ломиться в открытую дверь. Но авторы не жалеют сил, пытаюсь на многочисленных примерах показать, что при определенных условиях рациональный субъект может предпочесть неформальный контракт формальному. И что неформальный контракт может быть более эффективным: например, неформальный кредитор получает долги быстрее, чем формальный через суд. И что формальные нормы могут «разъедаться» неформальными или быть «захваченными» ими. Для российских исследователей это едва ли новый ход. Порой читать неловко, настолько такие ситуации многократно описаны. Но это на уровне теории. Эмпирика же вполне достойна внимания, поскольку наше знание «неформального» зарубежья, как правило, ограничивается бестселлером Э. де Сото о ситуации в Лиме, столице Перу.

Почтителен опыт Боливии в формализации прав собственности на леса (с. 11). В 1996 г. в Боливии было децентрализовано управление лесами, и у экономических агентов (в том числе фермеров) появилась возможность получить формальные права собственности на лесные ресурсы. Все либерально мыслящие аналитики оценили этот

---

¹⁰ Очень похожие выводы о важности качества институтов делают российские ученые применительно к «ресурсному проклятию». Используя схожую идею кросснационального исследования и технику регрессионного анализа, они показывают, что «ресурсное проклятие» работает только при низком качестве институтов (Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007).

шаг как исключительно положительный. Но практика показала его неоднозначность.

Воспользовались правом легализовать собственность на лесные массивы очень немногие. Отчасти дело было в громоздкости формальных требований, выдвигаемых властью. Важную роль сыграла также политика государства по поддержке растениеводства и животноводства, что ослабляло желание людей иметь права собственности на лес. К тому же государственная политика по сокращению зоны неформальности в лесопользовании не сопровождалась акциями на поле массмедиа, судебных процессов и проч.

Но главное, что в условиях экономической и политической нестабильности получившие право собственности крестьяне стремились побыстрее извлечь прибыль из этой собственности, а не выстроить долгосрочную стратегию использования леса. Де-факто произошло снижение стимулов к инвестированию в лесное хозяйство. Таким образом, установление формальных прав собственности на лес оказалось недостаточным для превращения лесоводства в успешную коммерческую отрасль.

Заключение

Книга в очередной раз показала, что в современной науке дискуссии, посвященные неформальной экономике, кристаллизуются вокруг трех традиций:

- *дуализм* предполагает изучение внутренних закономерностей развития неформального сектора, слабо связанного с формальной экономикой. Обычным сюжетом таких исследований является обоснование помощи неформальному сектору в виде кредитов, обучающих программ и проч. Связь с государственным регулированием в целом не рассматривается;
- *функционализм* делает акцент на характере связи формальной и неформальной экономики как элементов единой системы. Конкуренция между этими экономиками рассматривается как основная движущая сила расширяющейся неформальности в мире. Именно конкуренция вынуждает фирмы формального сектора уменьшать издержки за счет привлечения неформальных работников и включать неформальные фирмы в стоимостные цепи (вертикальные связи создания продукта) через систему субконтрактных отношений. В этой традиции звучит

призыв к государству регулировать «неравные» коммерческие отношения между крупными фирмами и мелкими субподрядчиками, а также трудовые отношения, возникающие в этом тандеме;

- *легализм* проблематизирует связи неформальных предприятий с формальной регулятивной средой, а не с формальными фирмами. Утверждается, что ужесточение государственных норм в экономике затрудняет развитие бизнеса и стимулирует предпринимателей «взламывать» формальные правила игры, уходя в неформальное экономическое пространство. Соизмерение «цены подчинения закону» и «цены избегания закона» трактуется как основа процессов тенизации и легализации бизнеса. Государственное дерегулирование создает стимулы для легализации неформалов, привлеченных необременительностью формальных институтов.

Данная книга — это панорама летописей неформальности беднейших стран мира, выполненных в разных традициях — от дуализма до легализма. Более широкого сборника эмпирических исследований (как в географическом, так и в методологическом смысле) я не знаю. Но большую ценность, на мой взгляд, книга представляет как каталог исследовательских подходов, принципиально различающихся с точки зрения проблематизации неформальной экономики. Она дает возможность систематизировать историю и логику развития исследований неформальной экономики, выявить сложившиеся подходы к ее изучению. Хочется надеяться, что это поможет многим авторам идентифицировать себя в исследовательском пространстве, осознать возможности и ограничения выбранной исследовательской оптики, ориентироваться в многообразии исследовательских позиций.

Barsukova, S. Essays on Informal Economy, or Sixteen Shades of Grey [Text] / S. Barsukova ; National Research University Higher School of Economics. — 2nd ed. — Moscow: HSE Publishing House, 2017. — 224 pp. — 500 copies. — ISBN 978-5-7598-1549-5 (pbk). — ISBN 978-5-7598-1617-1 (e-book).

This book comprises 16 essays representing different aspects of informal economy as an activity which circumvents public regulation. These essays have been written as reviews on the books by Russian and foreign authors, both in academic and publicistic genres. The book is concerned with global causes of the informal economy's development as well as with its Russian specifics, including the Soviet experience, the post-Soviet racket, the existing state of the judicial system, the relationship between business and government, the informal labor sector in Russia.

The book addresses a wide audience interested in the issues of economy. It will be useful for students, postgraduates, academics and researchers in social and economic sciences.

Научное издание

Светлана Юрьевна Барсукова

**Эссе о неформальной экономике,
или 16 оттенков серого**

Второе издание

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Е.А. Бережнова*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Подписано в печать 19.12.2016. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Minion Pro
Усл. печ. л. 18,2. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 500 экз. Изд. № 2090

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59